

Белокобыльский Александр Владимирович —

директор Киевского отделения Украинского института стратегий глобального развития и адаптации, доктор философских наук, профессор.

Левицкий Виктор Сергеевич —

директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации, кандидат философских наук.

Oleksandr V. Bilokobylskyi —

Kiev Branch of the Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation.

Viktor S. Levytskyi —

Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation.

Почему стал возможен религиозный ренессанс: три ошибки в основании западного проекта

УДК 1(091):130.2

В статье предпринята попытка поиска причин кризисного состояния западного цивилизационного проекта. В частности, обосновывается значимость 1) некритической абсолютизации религиозных по своей природе императивов в светском обществе, 2) переоценки уникальности европейской культуры в качестве цивилизационного эталона и 3) недооценки последствий секуляризации трансцендентного в западном смысловом универсуме. На основе проведенного анализа делается вывод об уровне существующих рисков.

Ключевые слова

Кризис, ЕС, светское общество, цивилизация, европейская культура.

Сложная ситуация, в которой оказалась Европа, является косвенной, а возможно, и прямой угрозой для планетарной цивилизации. Хрупкое равновесие в ЕС, рост популярности радикальных политических партий, прокатывающиеся по континенту волны терроризма и другие тенденции последних лет, очевидно, не являются ни случайными, ни легко преодолимыми. Приток мигрантов, кризис политики мультикультурализма, экономические проблемы — вполне достаточные основания для подобного вывода. Возможно, еще большую тревогу вызывает тот факт, что привычные теоретические концептуализации происходящего не срабатывают: классические представления о глобализации, секуляризации, рационализации не могут адекватно описать столкновения глобальных ценностно-мировоззренческих парадигм, религиозного ренессанса (чтобы не сказать религиозной реставрации или религиозного реванша) и грозящего Западу нового варварства. Налицо два главных признака экстраординарной науки (по Томасу Куну) — неспособность теории выполнять собствен-

ные функции (о чем свидетельствует лавинообразное накопление теоретических аномалий) и очевидный дефицит эвристических предложений по ее изменению или дополнению. Собственно, это революционное состояние и оправдывает обобщения, предложенные в настоящей статье, которые по необходимости являются достаточно субъективными и сжатыми. Кроме того, предпринимаемая попытка систематизации вызовов, стоящих перед западным миром, представляется абсолютно необходимой с прогностической точки зрения: даже самые схематичные сценарии будущих действий невозможны без уяснения текущего состояния дел.

Очень вероятно, что вслед за сценарием неизбежной мировой революции в Лету канули и более современные реинкарнации позитивистского гранднарратива — теории социального государства или либерально-демократического конца истории. Существует как минимум три ошибки либерального проекта, относящиеся соответственно к прошлому, настоящему и будущему, которые позволяют

Why Religious Renaissance Became Possible: Three Mistakes in Western Project's Foundation

In the article, authors have made an attempt to find reasons for crisis condition of Western civilization project. In particular, authors discuss the importance of: 1) non-critical absolutization of religious imperatives in secular society; 2) overestimation of European culture's uniqueness as a civilization model; 3) underestimation of circumstances of the secularization of transcendental in Western semantic universum. Basing on the analysis authors reached conclusions concerning the level of existing risks.

Keywords

Crisis, EU, secular society, civilization, European culture.

считать приведенное утверждение достаточно обоснованным. Ошибку прошлого можно назвать *error fundamentalis* (ошибка в основании), ошибку настоящего — «конкистадоры и дикари», ошибку будущего — «недооценка метафизики».

Ошибка прошлого: *error fundamentalis*

В достаточно известной сегодня работе «Капитал в XXI веке» (2014) французский исследователь Томас Пикетти указал на ряд фактов, обосновывающих новый взгляд на происхождение того экономического порядка, который был канонизирован западной либеральной мыслью. В частности, на основе значительно-го эмпирического материала он доказал, что исторический период в 60–70 лет (с начала Первой мировой войны до 1970-х годов), в течение которого и сформировалась современная структура мировой экономики, не может быть корректно описан с помощью позитивистского инструментария и не укладывается в картину бесконечного прогресса общества.

Скорее речь идет об уникальном исключении из правил, ставшем следствием экстраординарных обстоятельств военного времени и послевоенного восстановления экономики, когда дистанция между самыми богатыми и самыми бедными гражданами государств развитого мира резко сократилась [1, р. 67]. Но во все прочие времена включительно до 1914 г. (по крайней мере согласно существующим документам) и после 1980 г. противоположные полюсы достатка были разделе-

ны более радикально. Вывод, который делает французский автор, касается не только экономической плоскости, как может показаться на первый взгляд. Он весьма значим и для аксиологии либерализма, составляющей основание современного устройства жизни западного общества. Действительно, убеждение в том, что при наличии нормальных условий достаток и успешность человека зависят от его желания и умения работать, можно считать одним из краеугольных камней либерального разума. Однако, и это один из главных тезисов нового «Капитала», рост имущественного неравенства богатых и бедных свидетельствует о том, что сегодня основой успеха с большим правом следует считать семейное состояние и социальный статус семьи [1, р. 409–410]. Пикантность ситуации заключается в том, что именно благодаря уникальным условиям, сложившимся в мировой экономике в середине XX в., сформировался такой важный для успешности либерального общества средний класс [1, р. 250]. Проекты социального государства и общества всеобщего благоденствия (благополучия) не отрицали полностью наличия прослойки очень богатых и очень бедных людей, однако именно благополучие среднего класса должно было символизировать воплощение идеи социальной справедливости.

Такие выводы хорошо верифицируются статистическими показателями последних лет, свидетельствующими о медленном, но стабильном сокращении доли среднего класса в развитых странах. Опасность данной тенденции заключается в том, что она является следствием нормального и стабильного развития западного капитализма.

Можно утверждать, что в классических для либерального мироустройства установках было заложено проблематичное предположение о необходимом поступательном преодолении социального расслоения общества и его эволюционировании к гармоничному и справедливому состоянию. Очень похоже, что данное предположение представляет собой секулярную кальку с христианских представлений о 1000-летнем царстве Христа или секуляризованный хилиазм. Ошибка прошлого в таком случае связана с *некритическим восприятием прошлого собственной культуры*.

Ошибка настоящего: конкистадоры и дикари

Данная ошибка связана с непреднамеренной и кардинальной сменой социальной структуры того общества, которое хотя бы условно можно отнести к западной цивилизации. Расширение унифицированного культурного пространства до границ ойкумены, при котором большинство стран мира интегрируются в единую систему, усваивают западные ценности и технологии и превращаются как бы в периферию развитого Запада, привело к непредсказуемым последствиям. Рациональное желание корпораций получить прибыль от использования дешевой рабочей силы вывело за пределы развитого мира значительную часть промышленности. Общество со своей стороны активно поддерживало перенесение опасных и загрязняющих окружающую среду предприятий в бывшие колонии и страны третьего мира.

Однако со временем это привело к резкому сокращению числа вакансий для классических профессий представителей среднего класса — квалифицированных рабочих, техников, инженеров, «белых воротничков» и т.д. В наиболее богатых государствах все больше выпускников школ стремятся получить высшее образование и тем самым обрекают себя на безработицу или частичную занятость в будущем. Конкуренция растет, доходы падают, среди молодежи ширится нежелание (а в последние годы и невозможность) повторять путь своих родителей. Все больше людей отказываются от создания собственной семьи, откладывают рождение детей, то есть отказываются от привычных для среднего класса алгоритмов жизни.

Вместе с тяжелой промышленностью на периферию выталкиваются целые страты индустриального общества, при этом в Старую Европу отправляются миллионы претендентов на тяжелый труд, который уже не слишком интересует ее коренных жителей. В силу исторических причин значительная часть этих пришельцев из Африки и Азии являются выходцами из мусульманских стран, принадлежащих к третьему, глубоко традиционному миру, а потому их мировоззрение остается преимущественно религиозным. Начиная как минимум с послевоенных 50-х годов правительства ведущих европейских государств допустили

➤ Все больше людей отказываются от создания собственной семьи, откладывают рождение детей, то есть отказываются от привычных для среднего класса алгоритмов жизни.

ряд решающих ошибок, вылившихся в начале XXI в. в провал политики мультикультурализма. Самой важной из них, наряду с изначальным нежеланием интегрировать эмигрантов (как тогда считалось, временных) в общество, невниманием к их семьям вообще и детям в частности, стала безосновательная надежда на то, что религиозные люди, социализация которых состоялась в религиозной системе координат, безусловно, воспримут секулярные ценности европейского общества. На самом же деле мировоззрение пришельцев, замешанное на иррациональных, с точки зрения европейского разума, императивах, оказалось неразстворимым в западном культурном коктейле.

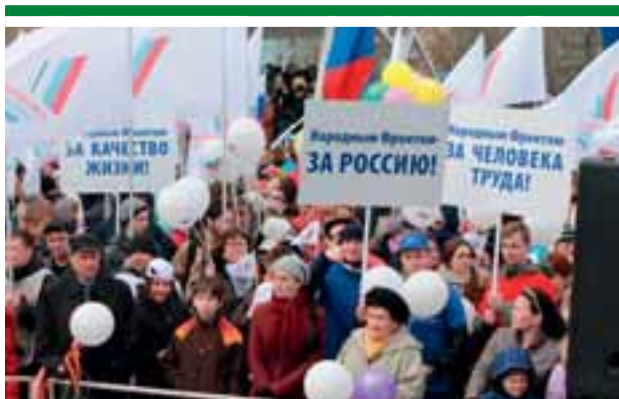
Интересно, что политика ассимиляции мигрантов в США принципиально отличается от европейской. Активность религиозных организаций в этой стране не снижалась в течение всего XX в., что дало основания говорить о своеобразном секулярном парадоксе [2, р. 16–17]. При этом регулярная подпитка американского общества в целом и церковных/религиозных общин в частности новыми адептами, во-первых, интенсифицирует религиозную жизнь Соединенных Штатов, во-вторых, создает действенный механизм ассимиляции иммигрантов из более традиционных обществ в экономическое и культурное пространство государства.

Можно утверждать, что «ошибка настоящего» спровоцирована недооценкой потенциала других культур, которые долгое время воспринимались европейцами в качестве «варварских» и «диких». Антиколониальное движение, развитие средств передвижения и коммуникации, а также гомогенизация мирового рынка в процессе глобализации, продемонстрировали ошибочность переоценки уникальности европейской культуры в качестве цивилизационного эталона.

Ошибка будущего: недооценка метафизики

Глобализационный проект как таковой сформировался благодаря экспансии западного мира, однако сегодня он столкнулся с «возвратным» движением. Вместе с технологиями, естественными науками, социальными институтами и т.д. не-Запад получил новые представления об обществе, мире и его судьбе. Реципиенты восприняли не только «коктейль» из западных ценностей, но и ценности как таковые. Это специфическое создание европейской культуры остается слишком естественным (привычным) для западного человека, и мы вынуждены прикладывать значительные усилия для того, чтобы просто представить себе внеценностное мышление или общество. Однако, как это убедительно продемонстрировал Мартин Хайдеггер, именно ценностный подход к бытию стал следствием субъективизации европейской метафизики, в частности в философии Декарта и Канта. После смены фундаментальных установок мышления — замены тех, что были присущи традиционному религиозному мышлению, субъектоцентричными — становится возможным понимание бытия как «системы необходимых условий», то есть условий, «с которыми необходимо считаться» [3, с. 63–177].

Субъективизация и, если так можно выразиться, детрансцендентизация коснулись каждой клетки социального бытия. В этой секуляризированной и детрансцендентированной социальной реальности речь идет не о воплощении какой-то божественной истины (идеала), а о наиболее эффективном использовании имманентных технологий с тем, чтобы просто «оставаться на вершине пищевой цепи». Используя аналогию с «сильной программой»

➤ **Мировоззрение пришельцев, замешанное на иррациональных, с точки зрения европейского разума, императивах, оказалось неразстворимым в западном культурном коктейле.**

Эдинбургской школы, согласно которой исследовательские программы являются не наилучшим способом открытия «объективной» истины, а наиболее эффективным инструментом борьбы за ресурсы, можно сказать, что в современном политическом дискурсе политические программы функционируют не для того, чтобы приближать действительное государство к идеальному, а для победы в политической конкуренции с целью использовать это государство в интересах бенефициаров данных программ. Таким образом, оказывается, что государство с детрансцендентированной метафизикой в лучшем случае может воспроизводить самое себя, формируя и реализуя имманентные цели и мотивы, в конечном итоге сводящиеся к консюмеризму и борьбе за лучшее место для этого потребления.

Принимая во внимание сказанное выше, следует подчеркнуть, что «быть европейцем» означает не только работать на одном из индустриальных (постиндустриальных) предприятий, иметь небольшую семью, которая с известной вероятностью распадется через несколько лет после заключения брака, быть либералом или консерватором, патриотом собственного государства или космополитом, человеком, который живет в определенную эпоху вместе с несколькими миллиардами подобных себе существ на одной из планет Млечного пути, верить в свободу и равенство, прогресс и успешность рыночной экономики — хотя все это очень важно. В первую очередь это означает выстраивать пространство смыслов, которое гармонично объединяет в себе все эти способы мышления о реальности, а также вместе с другими искренне верить в то, что именно история вобрала все бытийные и сверхбытийные смыслы, а небеса давно пусты, то есть создавать пространство общего действия современности — секулярной эпохи.

Зададимся вопросом: могут ли выхолащенные в горниле функционального прагматизма западные ценности выдержать конкуренцию со своими наполненными молодой кровью религиозными визави? Кто из нас готов умереть за то, что имеет лишь посюстороннее измерение и определенный денежный эквивалент? И когда речь идет о глобальной конкуренции — конкуренции в глобальном пространстве, в котором сталкиваются не только экономики, армии, информационные потоки, но и различные интерпретации определяющих для цивилизации смыслов, европейцам все труднее будет находить фундамент для того, чтобы обосновать эксклюзивную правоту собственной интерпретации. Фактически перед нами пример своеобразного культурного отчуждения — инициировав глобализационный процесс и «предложив» миру собственную цивилизационную парадигму в ее мировоззренческих, аксиологических, политических, экономических и иных формах, европейцы утратили право на их эксклюзивное использование.

Таким образом, «ошибка будущего» была связана с непониманием той роли, которую играют в структуре культуры ее «метафизические» регионы. В частности, недооценка последствий секуляризации трансцендентного в западном смысловом универсуме привела к серьезным и, возможно, необратимым последствиям.

Синтетическим итогом допущенных трех ошибок является актуальное состояние развитого условного центра мира и его периферии: массовые протесты и революции, угрожающие внутренней стабильности государств внутри Европы и на ее границах; резкий рост популярности политических сил, исповедующих крайние взгляды (преимущественно правого толка); повышение напряженности вокруг вопроса европейского един-

ства (еврозоны и ЕС в целом); трансформация политической аксиологии и действенности собственно политического инструментария для решения общегосударственных и общеевропейских проблем, когда на смену политическим дебатам вокруг роли государства в решении экономических вопросов (которые ранее сводились к спорам между сторонниками более регулируемой экономики и адептами нелиберальной рыночной конкуренции) приходит проблематизация демократических ценностей и европейского проекта как таковых; призывы к культивированию национальной, культурной и религиозной идентичности, которые возвращают европейское общество к «призракам начала XX века» [4, с. 12].

Мы наблюдаем падение веры в политический путь решения собственных проблем, о чем свидетельствуют снижение популярности партий классического образца [5] и стабильное падение явки на политических выборах всех уровней. А рост популярности политических брендов радикального образца в стиле «Народного фронта», «Истинных финнов» или «Йоббик» (программы которых иногда имеют неонацистский привкус) свидетельствует о ценностно-институциональном сдвиге внутри европейского общества. Проблематизация либерально-демократической модели социальной защиты, кризис общества всеобщего благоденствия (благополучия), снижение уровня доходов, деградация среднего класса, увеличение числа иммигрантов, не желающих безусловно принять светские ценности, — все это «монетизируется» в политические дивиденды тех сил, которые лишь дестабилизируют ситуацию. Происходят эпохальные трансформации мышления и действий среднего европейца.

Отсутствие стабильного заработка, сокращение рабочих мест для среднего класса, так называемый статусный диссонанс (когда люди вынуждены работать на должностях, более низких по статусу или доходу, нежели те, на которые они бы могли рассчитывать) [5, с. 25] и невозможность поддерживать привычный для среднего класса уровень жизни, умноженные на культивируемые в нелиберальном обществе чувства конкуренции и ответственности за свою судьбу, разрушают классические представления о трудовой и гражданской солидар-

➤ Миллионы людей, лишенных трудовых и социальных гарантий, не ощущающих себя частью солидаризированного трудового общества, образуют новый класс — прекариат, угрожающий основам европейского социума.

ности, которые западное общество вынашивало несколько веков. Фрагментация общественного единства сопровождается сменой отношения к безработным и обездоленным, которые выталкиваются на маргинес общественной жизни практически без права на возвращение. Миллионы людей, лишенных трудовых и социальных гарантий, а зачастую и ряда гражданских прав, не ощущающих себя частью солидаризированного трудового общества, образуют новый класс — прекариат. Неудовлетворенность большинства населения развитых стран ростом экономического неравенства, истощение социального государства и подъем волны неонацизма, возврат к этническим и религиозным формам национализма, мобилизация общества на многотысячные, если не миллионные протестные движения и т.п. угрожают основам европейского социума.

При этом «новые европейцы», то есть обитатели территорий, накрытых глобализационной волной, включая значительную часть тех из них, кто нашел пристанище в сердце Старого Света, не превратились в классических обитателей западной цивилизации. Участие в современных по своему происхождению социальных практиках сформировало у них устойчивые представления о равенстве людей, свободе и правах человека. Однако никто и ничто не отменило ни их собственной истории, часто переполненной унижениями и несправедливостью, ни их сегодняшнего положения людей второго сорта, ни бесперспективности будущего существования их детей на задворках мира. Можно сказать, что Европа подчинила себе мир, «подарив» ему собственный образ культурной жизни. Однако инструмент подчинения оказался обоюдоострым: взглянув на мир глазами европейца, не-Запад провозгласил собственные ориентиры счастливой жизни и тем самым релятивизировал и проблематизировал основания западного мировоззрения, наполнив его классические образцы собственными религиозными и традиционными ценностями и наделив эти убеждения глобальным статусом, противопоставил их западному первообразу.

Выводы

1. В росте недовольства большинства населения развитых стран мира можно увидеть одну из главных угроз демократическим ценностям западного общества. Вывод Пикетти, хотя и сделанный на основе анализа экономических процессов, непосредственно касается аксиологической сферы. Даже сама возможность несбыточности достижения социального идеала, служившего путеводной звездой и «перводвигателем» либерального проекта, подрывает его привлекательность и авторитет. Речь, естественно, идет не об отмене западного проекта как такового, а о его проблематизации и появлении пространства для возможных альтернатив.

2. Уверовав в необратимость и безальтернативность научно-технического прогресса, Запад чрезмерно увлекся собственной культурной миссией. Однако оказалось, что переход к информационной цивилизации вытесняет за пределы развитого мира не только вредные индустриальные производства, но и социальную инфраструктуру, делая развитые страны уязвимыми с точки зрения зависимости от инженеров, специалистов и квалифицированных рабочих — эмигрантов, и вымывает прослойку среднего класса, столь важную с точки зрения классических представлений о социальном благополучии. Итог — рождение прекариата, формирование устойчивых инокультурных анклавов в Европе и ответная радикализация общества.

3. Купирование трансцендентного измерения социальной реальности, которое стало логи-

ческим итогом ее секуляризации и «технизации», неожиданным образом превратило европейцев в сообщество прагматиков, сосредоточенных на оптимизации «земных» стратегий социальной деятельности, слабо защищенных от экзистенциальной пассионарности религиозно сцементированных сообществ. Усвоившие универсальность западного мышления, вооруженные современными средствами и методами информационного воздействия, техникой и технологиями, но ориентирующиеся на «сверхземные» цели, эти сообщества разрастаются вне и внутри секулярного мира, зачастую привлекая на свою сторону вчерашних адептов западного образа жизни.

Естественно, западная цивилизация выработала механизмы противодействия внешним негативным воздействиям, своеобразные антитоксины против вредоносных культурных «инфекций», ее иммунная система достаточно адаптивна, а способность к ассимиляции чужеродных элементов доказана веками успешного выживания. Для минимизации негативных последствий «ошибки прошлого» сам поставивший диагноз Томас Пикетти предлагает путь дальнейшего развития демократических институтов и все более тесной культурной интеграции различных культурных регионов, на которые распространилось влияние западной цивилизации. Это, по его соображениям, позволит регулировать негативные последствия дисбаланса в росте капитала и выпуска продукции/зарплат путем установления ежегодного прогрессивного налога на капитал. Вполне может быть, что на уменьшение негативных последствий «ошибки настоящего» повлияет гомогенизация производственно-экономического пространства, в котором благодаря переходу к новым формам производства различие между развивающимися и развитыми странами будет стираться. Подвижность капитала, рабочей силы, технологий, а со временем и производственных мощностей может значительно уменьшить угрозы, связанные с этой ошибкой.

Однако по всей вероятности уже ничто не сможет отменить последствий «ошибки будущего». Рождение религиозно-мотивированных проектов глобального развития, альтернативных западному, знаменует переход глобальной конкуренции на уровень ценностно-мировоззренческого противостояния и сопровождается возвращением религий (пусть и в новой форме своего существования) на авансцену истории — это свершившийся факт, требующий от западных сообществ адекватной реакции. Главная проблема заключается в том, что в отличие от поддающихся исправлению последствий ошибок «прошлого» и «настоящего» коррекция мировоззренческих оснований западного человека в ответ на религиозные вызовы может осуществиться лишь на протяжении жизни нескольких поколений, что никак не отвечает темпам изменений, происходящих в XXI в. ■

ПЭС 17066 / 26.04.2017

Источники

1. Piketty Th. *Capital in the twenty-first century* / Translated by Arthur Golhamer. The Belknap Press of Harvard University Press. 2014. 696 p.
2. Casanova J. *Public religions in the modern world*. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 330 p.
3. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // *Время и бытие: Статьи и выступления* / Пер. с нем. В. Бибихина. М.: Республика, 1993.
4. Дервиш К. Ловушка идентичности // *Forbes-Украина*. 2015. № 6 (52).
5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем, 2014. 328 с.

References

1. Piketty Th. *Capital in the twenty-first century* / Translated by Arthur Golhamer. The Belknap Press of Harvard University Press. 2014. 696 p.
2. Casanova J. *Public religions in the modern world*. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 330 p.
3. Khaydegger M. *Evropeyskiy nigillizm* [European Nihilism]. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. Moscow, Respublika, 1993.
4. Dervish K. *Lovushka identichnosti* [Identity Trap]. *Forbes-Ukraina*, 2015, no. 6 (52).
5. Stending G. *Prekariat: Novyy opasnyy klass* [Precarpathia: A New Dangerous Class]. Moscow, Ad Marginem, 2014, 328 p.